

Троцук Ирина Владимировна
Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, Москва
irina.trotsuk@yandex.ru

ВАРИАНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ (И НЕ ТОЛЬКО) ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. В статье представлены различные версии структурирования поля дискурсивного анализа. Текстовый анализ в социологии – область достаточно маргинальная в том смысле, что зачастую рассматривается как некое само собой разумеющееся «приложение» к качественному эмпирическому исследованию, необходимое на этапе анализа полученных (неформализованных) данных. Отчасти этот подход оправдан тем, что дискурс-анализ принципиально безразличен к объекту собственного изучения (совокупности специально отобранных текстов), будучи предмето-ориентированной моделью текстового анализа. Тем не менее, поле его практического применения требует внятного внутреннего структурирования, в качестве оптимального критерия которого автор предлагает разведение двух типов аналитического поиска – по «нисходящей» и по «восходящей» стратегии.

Ключевые слова: текстовый анализ; дискурс-анализ; качественный подход; эмпирическое исследование; неформализованные данные; «восходящая» и «нисходящая» стратегии анализа данных; предмето- и объекто-ориентированные модели текстового анализа

Trotsuk Irina Vladimirovna
Peoples' Friendship University of Russia
Russia, Moscow
irina.trotsuk@yandex.ru

TYPES OF DISCOURSE ANALYSIS IN THE SOCIOLOGICAL (AND NOT ONLY) RESEARCH

Abstract. The article presents different versions of the conditional structure of the field of discourse-analytical studies. Textual analysis in sociology is still rather a marginal approach in the sense that it is often regarded as a kind of self-evident “attachment” to the qualitative research at the stage of (non-formalized) data analysis. Partly that is true for discourse analysis is basically indifferent to its object (a combination of purposefully selected texts) being a subject-oriented model of textual analysis. However, the field of discourse-analytical studies requires a clear internal structuring, and as an optimal criterion for such the author suggests identifying two types of analytical work – the so-called “downward” and “upward” strategies.

Key words: textual analysis; discourse analysis; qualitative approach; empirical research; non-formalized data; “downward” and “upward” data analysis strategies; subject- and object-oriented models of textual analysis

Дискурс-анализ – крайне сложный и вариативный комплекс концептуальных подходов и методических приемов, объединенных единым зонтичным понятием «дискурс», отличительной характеристикой которого является отсутствие однозначного и операционализируемого определения. В научной и публицистической литературе, как и в медийной риторике, термин «дискурс» используется весьма произвольно, оказываясь то «сверхпонятием», чье размытое содержание позволяет маркировать им практически что угодно, то набором понятий,

облетающих разные значения в разных контекстах и в рамках разных научных школ и направлений, которые наделяют понятия «дискурс» и «дискурсивная практика» собственными коннотациями и интерпретациями. Вряд ли задача систематизации (тематической или по предметным областям) основных (наиболее широко встречающихся) трактовок дискурса имеет смысл (и в принципе реализуема) в эмпирической социологии, скорее следует сосредоточиться на систематизации форматов социологической работы с текстовыми данными, которые предпочитают называть себя дискурсивными исследованиями/дискурс-анализом (или в принципе могут быть так обозначены).

«Традиционные» версии дискурсивного анализа

Дискурс-анализ – «зонтичный» термин [Hammersley, 2003], «аморфный метафорический комплекс, составляющий общий тематический фон, задающий общие категориальные контуры отдельных исследований» [Инишев, 2007, с. 6], обозначающий множество междисциплинарных направлений текстового анализа. Все это многообразие аналитических моделей и процедур объединяет три принципиальных момента: фокус интереса (все они изучают некий дискурс), обязательный учет контекстуальных условий возникновения и бытования текстового «объекта», отказ от разделения формы и содержания, исходя из постулата дискурсивного конституирования социальной реальности. Неразрывная связь дискурсивной и недискурсивной реальностей может категоризоваться в рамках дискурс-анализа по-разному: через понятие регистра (набор языковых средств под конкретные социальные условия и цели коммуникации), когезии (средства, используемые для связывания элементов текста в единую «ткань») или когерентности (логическая и смысловая связь элементов текста), т.е. неизменно подчеркивается роль дискурса как особого «текста-языка», за которым стоит особый мир значений. Соответственно, дискурс-анализ рассматривает разные аспекты текстовой и экстралингвистической реальности, сочетая разные подходы, не озабоченные проведением четких демаркационных границ между друг другом и между собой и иными форматами аналитической работы с текстами.

Тем не менее, в научной литературе сложился определенный консенсус в отношении возможных вариантов (скорее подразумеваемых, чем открыто оговариваемых) структурирования поля дискурсивных исследований, хотя нельзя сказать, что эти варианты что-то проясняют в эмпирической социологической работе (в силу своей гипертеоретичности). Во-первых, можно выделить три «традиционные» версии дискурс-анализа (традиционные в том смысле, что их можно считать отправной точкой последующих траекторий развития дискурс-анализа): концепция М. Фуко, где дискурс наиболее «социологичен» – как идеологически обусловлен-

ный стиль/способ «говорения»; концепция Т.А. ван Дейка, где дискурс наиболее «лингвистичен» – как структурирующий принцип любого коммуникативного взаимодействия; концепция Р. Барта, где дискурс наиболее «семиологичен», выступая в качестве своеобразного синонима мифа. Объединяет эти три версии то, что они исходят из ситуативного социального конструирования реальности посредством разнообразных дискурсов (не семантических систем, а практик описания мира), что, с определенными ограничениями, позволяет использовать все три версии в качественных социологических исследованиях [Cheek, 2004].

Версия дискурс-анализа М. Фуко привлекает исследователей тем, что задает четыре понятных измерения дискурса, или «дискурсивные формации» – это объекты, модальность, концепты и тематическое единство. Проведение дискурс-анализа предполагает оценку возможности появления определенных объектов в совокупности высказываний особой модальности, которые формулируют субъекты, используя в заданной социальной ситуации конкретные концепты и стратегии выбора тем [Фуко, 1996, с. 40]. Другая черта концепции Фуко, которая делает ее предметом постоянных отсылок, состоит в ее «социологичности», проявляющейся в том, что дискурс здесь выступает как способ подчинения и контроля за счет внешних процедур исключения (запреты, критические оценки и пр.) и внутренних процедур классификации и упорядочивания (комментарии, правила «говорения» и пр.) [Фуко, 1996а, с. 52, 65].

В то же время частота ссылок на работы Фуко объясняется не только их признанием, но и критикой по следующим основаниям [Reed, 2000, с. 525-527]: за гиперидеализацию понятий «значение» и «текст» в ущерб недискурсивным аспектам действительности, хотя и последние значимы в конституировании социальной реальности в речевой коммуникации; за гиперноминализацию конститутивных компонентов дискурсивных практик (Фуко называет их удобными «именами» или «фикциями» и игнорирует недискурсивные формы поддержания социального порядка); за гипердетерминизм (Фуко не признает право и способность социальных акторов манипулировать дискурсами в своих интересах); за гиперлокализм (Фуко недооценивает структурное измерение властных отношений и переоценивает их ситуативный контекст).

Предлагаемая Т.А. ван Дейком модель дискурс-анализа исходит из детерминации познания человека глубинными структурами его личностной картины мира: ее фундамент формирует модель ситуации с вариативным содержанием, что позволяет нам «считывать» и понимать очень разные «тексты». Как исследовательский инструмент дискурс-анализ предполагает вычленение из коммуникативных практик и/или конкретных текстов конституирующих их смысловых блоков (это стереотипные тематические репертуары, задаваемые коммуникативной ситуацией, культурным сценарием, социально-демографическими и ролевыми харак-

теристиками социальных акторов), релевантных разработанной исследователем ситуационной модели, затем их сравнение и обобщение в систему категорий, которые позволяют идентифицировать идеологическую позицию автора текстов и навязываемое им читателям «определение ситуации» [ван Дейк, 1989, с. 45-60].

Дискурс-анализ Р. Барта отталкивается от понятия мифа в самом широком смысле этого слова, т.е. мифом является (или может стать) все, что покрывается дискурсом и имеет адресный характер [Барт, 2000, с. 234]. В мифе Барт выделяет две семиологические системы: лингвистическую – язык, на котором мы говорим, и метаязык, в котором любое понятие может быть и элементом системы языка (смысл), и компонентом мифа (форма). Дискурс-анализ как семиологическая процедура призван распознавать (чтение) и дешифровать (декодирование) мифы, показывая функциональные зависимости означающего и означаемого, которые гарантируют знаку постоянство формы в разных вариантах реализации. То, что дискурс-анализ должен иметь именно семиологический характер, Барт обосновывает существенными чертами «социального мифа» [2000, с. 247-281]: любое содержание (смысл) он деформирует, подгоняя под определенный социокультурный сценарий/сюжет; эта деформация отражает интенции автора и его попытки убедить читателя/слушателя в правильности навязываемой ему интерпретации, но маскируется под якобы невинные констатации существующего положения дел; мощная интенциональность мифа обуславливает императивность отклика на него (автор мифа жаждет реакции аудитории); значение мифа столь фрагментированно, что позволяет одновременно считывать лишь одну из множества его возможных мотивировок и означающих, и многослойность смыслов неизбежно порождает различные прочтения мифа (от циничных до обыденных).

Другой вариант структурирования поля дискурсивных исследований также предлагает выделять три версии дискурс-анализа, но по критерию соотношения текстовых и социальных практик, теории и метода, аналитики и критики [Филлипс, Йоргенсен, 2004]: это постструктуралистская теория дискурса, дискурсивная психология и критический дискурс-анализ. Создателями постструктуралистской теории дискурса считаются Э. Лаклау и Ш. Муфф, использовавшие в качестве ее строительных блоков элементы марксизма и структурализма. Дискурс здесь выступает как конституирующий социальный мир с помощью набора значений, но поскольку они фиксируются в нестабильном естественном языке, то любой дискурс оказывается незавершен и борется с другими дискурсами за право диктовать собственные правила конституирования языковых практик и конституирования через них социальных. Радикальность данной версии дискурс-анализа состоит в том, что она фактически деонтологизирует социальные явления и физические объекты, утверждая, что они даны нам только через системы дис-

курсивных значений, т.е. люди живут не в объективном мире вещей, а в мифическом (искаженном, символически и метафорически нагруженном) мире значений, который определяет наши цели и горизонт наших действий. В итоге задача дискурс-анализа – описать процессы создания и закрепления значений, посредством которых конституируется социальная реальность.

Дискурсивная психология анализирует особенности использования языка в социальном взаимодействии (преимущественно бытовой дискурс), но не столько лингвистические параметры повседневной коммуникации, сколько устойчивые риторические приемы. Задача дискурс-анализа – оценить, насколько вариативно люди (одновременно продукты и творцы дискурсов) используют существующие дискурсы, как сочетают элементы различных дискурсов для (вос)производства социокультурного контекста, и каковы социальные последствия подобных дискурсивных практик. Дискурс в данном аналитическом направлении – «социальная деятельность в условиях реального мира, а не абстрактно-теоретический конструкт или продукт лабораторного эксперимента», поэтому дискурс-анализ сосредоточен на трех категориях [Макаров, 2003, с. 80-81]: действие (речевое и социальное одновременно), (по)строение устного дискурса или письменного текста (лингвистические ресурсы, функциональные стили, риторические приемы и пр.) и вариативность (социальной действительности и практик коммуникативного взаимодействия).

Критический дискурс-анализ был разработан Н. Фэйркло и тоже исходит из приоритетной роли дискурса в конструировании социального мира. Однако, в отличие от постструктуралистской теории, критический дискурс-анализ четко разводит дискурс как один из аспектов социальной действительности (вербальные и визуальные элементы, поскольку «природа» текста не имеет принципиального значения – важна «дискурсивная семантика») и не-дискурс (реальный социальный и культурный мир). Критический дискурс-анализ видит в дискурсе «комплексную структуру с собственной лексикой, грамматикой и риторикой, а также совокупность обычаев и условностей, взятых в их синхронии», т.е. «социальный контекст однозначно подчинен языковому контексту, который ограничивает первый своими языковыми условностями и доступными ему интеллектуальными ресурсами» [Бёдекер, 2010, с. 8-13].

В результате критический дискурс-анализ двойственен на всех уровнях своей практической реализации: на уровне объекта изучения – это и дискурс, и не-дискурс, причем оба одновременно закончены и целостны в данный конкретный момент времени, но содержат обрывки прошлых и будущих дискурсов, потому что люди не только им подчиняются, но и активно их (ре)конструируют; на уровне предмета – это и отдельное коммуникативное событие, и определенный порядок дискурса (конфигурация всех типов и жанров коммуникации, кото-

рые свойственны социальному институту или области общественной жизни); на уровне собственного позиционирования – это и научное (т.е. по определению объективное) исследование содержания и формальных характеристик коммуникативных практик в социальном взаимодействии, и политико-ангажированная деятельность, призванная отстаивать интересы притесняемых дискриминационными дискурсами.

Обозначенные два варианта структурирования поля дискурсивных исследований демонстрируют некоторые концептуальные различия ключевых версий дискурс-анализа, однако мало что проясняют с методической точки зрения для социолога, берущего на вооружение текстовый анализ в рамках качественного подхода. В эмпирической социологической работе имеет смысл использовать иную «оптику» и выделить в дискурс-анализе две группы тексто-аналитических практик согласно уже существующему разведению «восходящей» и «нисходящей» моделей анализа данных [Татарова, 1999]. Суть предлагаемого водораздела в следующем: в «нисходящей» модели исследователь привлекает эмпирические данные, практически не задумываясь об их репрезентативности (социальной типичности или симптоматичности), чтобы проверить гипотезу о наличии и/или определенной степени представленности элементов некоего дискурса (например, националистического или феминистского) в сообщениях средств массовой информации, выступлениях политических лидеров и т.п. В «восходящей» модели исследователь не пытается обнаружить свидетельства/«следы» наличия и/или доминирования заданного (искомого) дискурса, а старается реконструировать некий социально устойчивый формат «говорения» о чем-либо (дискурсивные практики) в ходе изучения конкретного вида текстов (например, биографий людей, переживших аналогичные эпифании) или области действительности (скажем, репрезентаций женщин в коммерческой рекламе).

«Нисходящая» логика поиска дискурса

Яркий пример «нисходящего» типа дискурс-аналитической стратегии – критические дискурсивные исследования, призванные обнаруживать «вшитые» в конкретные тексты идеологии и модели действительности. «Методика» критического дискурс-анализа, независимо от конкретной его реализации, неизменно воспроизводит предложенную Фэйркло трехмерную модель, в которой речевой случай (коммуникативное событие) состоит из трех измерений (каждое подвергается тщательному, но не стандартизированному и не формализованному анализу): 1) произнесенный/написанный текст (семантические, синтаксические и прочие его особенности); 2) дискурсивная практика производства текста (контекст создания сообщения); 3) обрамляющая дискурсивную практику социальная действительность [Fairclough, 1993].

Наиболее жесткой критике в данной модели подвергается ее базовая посылка, согласно которой применяющий критический дискурс-анализ исследователь должен произвести некий не-идеологический дискурс по итогам критического препарирования пронизывающих и конституирующих социальную ткань идеологических дискурсов: возникают неразрешимые вопросы о критериях разведения идеологического и неидеологического дискурсов и о способности аналитика (и любого человека в принципе) к дискурсивно-неидеологическому восприятию и описанию мира.

Поскольку иных «методических» рекомендаций (причем и они прописаны и являются руководством к действию далеко не всегда) критический дискурс-анализ не содержит, возможности его применения оказываются практически безграничны и простираются от политической географии, или критической геополитики, до кейс-стади, основанных на анализе ряда высказываний яркого политического лидера по конкретной проблеме. Так, критическая геополитика использует термин «дискурс», поскольку сегодня география (и теория международных отношений) представляют собой поле дискурсивных, а не реальных сражений – за право организовывать, захватывать и управлять пространством посредством номинаций политических субъектов и событий [см., напр.: Dodds, 2001; Milliken, 1999]. И задача дискурс-анализа состоит не в том, чтобы взглянуть на государства как на рациональных акторов, конструирующих бравурные, патриотические, националистические, виктимизирующие и прочие типы дискурсов, а в том, чтобы «демитифицировать процесс конструирования политических субъектов» [Kuus, 2007; Neumann, 2008].

Поскольку сейчас речь идет о стратегии анализа текстовых данных, то обозначенные в первом разделе статьи варианты структурирования поля дискурсивных исследований утрачивают право проводить свойственные им демаркационные границы между разными версиями дискурс-анализа, и можно использовать в эмпирической работе ту концептуальную модель дискурса, которая в наибольшей степени отвечает решаемым в исследовании задачам. Например, в рамках политической географии в равной степени приемлемы и критический дискурс-анализ Фэйркло, и постструктуралистская теория Лаклау и Муффа, потому что и в том, и в другом случае можно оценить особенности конструирования и воспроизводства, скажем, доминирующего сегодня в российской государственной и медийной риторике (в том числе в публичных высказываниях провластной группы экспертов) проекта «сильной России» (в статусе супердержавы если не на мировой арене, то на постсоветском пространстве), насыщенного «великодержавными амбициями» (в западноевропейском внешнеполитическом дискурсе этот идеологический проект, несомненно, будет конструироваться иначе – как маргинальный и негативно коннотированный). Причем идеологема великой державы может формироваться из

разных компонентов дискурса великодержавности, по-разному оценочно окрашенных и в разных пропорциях вливаемых в итоговый дискурсивный «коктейль»: главное, что их объединяет в рамках единого дискурсивного паттерна, в терминологии Лаклау, «пустое означающее» («сильная Россия»), дискурсивное оформление и наполнение которого может быть сколь угодно вариативным, но всегда решает одну и ту же задачу – общественной консолидации.

Другой «макроаналитический» вариант реализации «нисходящей» исследовательской стратегии представлен в ряде работ Дж. Скотта, где автор через анализ крестьянских жизненных стратегий, контекстов повседневных форм крестьянского сопротивления и рутинной логики государственного контроля реконструирует доминантный государственный дискурс, обеспечивающий (будучи поддержан соответствующими объективными условиями) тот устойчивый исторический феномен, что «практически каждая крупная успешная революция в конце концов приводила к созданию государства куда более мощно-репрессивного, чем то, что она разрушила», но иначе дискурсивно оформленного [Scott, 2013, с. 2]. В другой работе [Scott, 2009] Скотт реализует «нисходящую» модель дискурс-анализа, проводя «деконструкцию доминирующего цивилизационного дискурса о “варварстве”, “нецивилизованности”, “примитивности”, которые при ближайшем рассмотрении оказываются синонимами безгосударственного состояния; этот дискурс никогда не допускал мысли о возможности добровольного перехода людей в варварство, всячески стигматизируя, этнизируя его» и отказывая ему в праве быть сознательным политическим (и жизненным) выбором (отсюда множество исторических примеров из колониальной истории, когда «белый человек» с бесконечным презрением и жесточайшими репрессиями воспринимал отказы «туземцев» воспроизводить его модель социального порядка).

Скотт убедительно демонстрирует, что доминирующий в официальной истории цивилизационный дискурс, пронизывая всю систему образования и культуру, заставлял прежде и продолжает убеждать все новые поколения в том, что «дикие варвары, зачарованные величием справедливых царств, становились их гражданами», что история человечества – это история национальных государств, а не сплошной периферии без крупных административных центров, на которой подавляющая часть населения наслаждаясь свободой выбора «формата» собственной жизни (государственной, безгосударственной или в некоем промежуточном состоянии). Скотт стремится провести «историческую детоксикацию» – заставить читателей отказаться от доминирующих в науке (образовании, медийной и государственной риторике) мистификаций, и эта задача вписывается как в рамки критического дискурс-анализа, так и в эмпирические социологические проекты с предметным полем любого масштаба – скажем, от изучения устойчивых, но от того не менее мистифицированных социальных представлений

до очень локальных исследовательских инициатив в русле биографической реконструкции нетипичной или типичной жизненной судьбы в сложных исторических обстоятельствах.

Впрочем, следует признать, что «нисходящая» стратегия дискурс-анализа тяготеет к макросоциологической оптике с точки зрения вскрываемых социальных (дискурсивно конституируемых) противоречий и идеологем, даже работая с очень «частными» текстами непубличного характера, поэтому в проектах, укладывающихся в «нисходящую» версию дискурс-анализа, как правило, содержится очень мало методических комментариев (в классическом социологическом понимании слова «методика»). Нередко утверждается, что говорить о некоем едином методе критического дискурс-анализа неправомерно, потому что он допускает применение любых методических решений, позволяющих достичь поставленных целей: это лингвистический анализ, прагматический анализ речевых и коммуникативных актов, конверсационный анализ, семиотический анализ, контент-анализ и т.д. – применительно к дискурсу как вербальному «объекту»; включенное наблюдение или даже эксперименты – применительно к дискурсу как социальной практике и совокупности разных типов коммуникации. В итоге в сборнике своих работ разных лет ван Дейк [2014] неоднократно подчеркивает и отсутствие эпистемологического приоритета критической версии дискурсивных исследований в этом направлении текстового анализа, и открытый междисциплинарный характер критического дискурсивного анализа, и его социально-прикладную (политическую) ориентацию. Последнее неудивительно, учитывая, что основная проблема, интересующая ван Дейка (и критический анализ в целом) – соотношение дискурса и власти, которое рассматривается через три измерения общественной жизни: собственно дискурсивное (лингвистическое, вербальное, семиотическое), когнитивное (социально-психологические особенности человеческого восприятия и познания) и социальное (особенности социального взаимодействия и общественного порядка, в том числе с исторической, антропологической и культурологической точек зрения).

Предметом критического дискурсивного исследования, по ван Дейку, всегда выступает роль дискурсивных практик в процессах воспроизводства и злоупотребления властью (конструирование и легитимация социальных различий в текстах), объектом – любые виды публичного дискурса, контролируемого символическими элитами (политиками, журналистами, писателями, чиновниками и пр.). Здесь можно было бы возразить, что речь необязательно должна идти о публичном дискурсе и символических элитах – дневниковые записи или письма обычных людей, предназначенные для очень частного бытования, не менее успешно могут воспроизводить дискурсивные практики дискриминации, насилия и пр. [см., напр.: Цветаева, 1999]). Однако и сам ван Дейк не всегда разводит повседневный личный разговор и

формальный институциональный дискурс – иногда он признает их взаимопроникновение, потому что любая неформальная частная беседа включает в себя институциональные ограничения в силу разных коммуникативных статусов собеседников, обусловленных гендерной, классовой, расовой, возрастной, субкультурной, национальной и иной идентификацией и принадлежностью (как правило, социальные акторы, обладающие большим «капиталом», определяют и контролируют все характеристики коммуникативного события, включая время его проведения, тематику, стиль, объем и т.д.).

В качестве форм дискурсивного злоупотребления властью ван Дейк называет дезинформацию, введение в заблуждение, внушение, стереотипизацию, нелегитимные действия, способствующие социальному неравенству и несправедливости, порождающие негативные социальные последствия (скажем, устойчивые расистские установки). «Мостом» между дискурсивными практиками на микроуровне и социальной властью классов, групп и институтов на макроуровне выступает идеология (комплексная когнитивная система социальных знаний и представлений): ее формируют властные институты, используя специфические жанры дискурса, коммуникативные события, темы, стили и риторические средства, опираясь на групповые и властные отношения внутри и за пределами институтов. Для изучения идеологии ван Дейк предлагает «ситуационный анализ» – комбинацию макросоциологического (оценка социальных ситуаций) и социолингвистического (изучение дискурсивных жанров и коммуникативных событий) подходов в сочетании с традиционными форматами анализа неформализованных данных (например, с разговорным анализом).

Ван Дейк, как и многие исследователи политических элит и экспертных сообществ в широком смысле слова, полагает, что власть сегодня (ранее это было характерно для нее в меньшей степени) фундируется не столько объективно – финансами и вооруженной силой, сколько коммуникативными ресурсами доминирования и контроля, которые подкрепляют как «высокие» дискурсы, так и повседневные разговоры, причем не только открытым проговариванием, но также игнорированием или замалчиванием. Пример сочетания всех трех «инструментов» – любые формы ксенофобии или расизма, которые являются «не предрассудками ханжески настроенных индивидов или социально разделяемыми когнитивными презентациями групп», а «практиками дискурсивного истолкования, подтверждения и пропаганды... неравенства и дискриминации» [ван Дейк, 2014, с. 17].

Сложное сочетание «инструментов» – не рекомендация, а практически единственное требование к критическому дискурсу-анализу, потому что для него важна не только развернутая характеристика дискурсивного воспроизводства доминирования и социальной поляризации, но и оценка масштабов нарушения прав и интересов человека и групп. «Взаимодействие

между дискурсивными и социальными структурами – не просто корреляционное или каузативное, а... сложный социокогнитивный процесс», и существует множество способов использовать дискурсы «в корыстных целях... нелегитимного управления сознанием и контроля над действиями людей в аспекте воспроизводства власти» [ван Дейк, 2014, с. 21, 23]. Следует подчеркнуть, что речь не идет о политэкономическом или макросоциологическом анализе, потому что ван Дейк принципиально ориентирован на изучение форм классового, группового и организационного управления через локальные повседневные взаимодействия в разных коммуникативных ситуациях. Что, безусловно, не отменяет трактовки дискурса как особого «языка», который «может быть понят инструментально и изучен социологически в его функциях политического группового действия» [Бёдекер, 2010, с. 59]. Иными словами, не существует однозначно манипулятивных дискурсивных стратегий – любая может быть использована как для критико-просвещенческих целей, так и для нелегитимно-манипулятивных.

«Восходящая» логика реконструкции дискурса

В рамках «восходящей» стратегии дискурс-анализа исследователи не занимаются поисками априорно заданного дискурса, подтверждая его наличие в совокупности текстов некими «говорящими» иллюстрациями, а внимательно подбирают «кейсы», чтобы на их основе реконструировать дискурс, риторические и прагматические характеристики которого можно было бы эксплицировать на достаточно широкую область неформализованных данных, порождаемых практиками описания мира в данной социальной структуре. Социологов интересует не столько что именно и как человек говорит, сколько величина разрыва между тем, что реально говорится, и тем, что в принципе может быть сказано в разных дискурсивных ролях и ситуациях. Поэтому в «восходящей» стратегии дискурс-анализ иногда рассматривается не как совокупность процедур на этапе анализа неформализованных данных (это суть «нисходящей» стратегии), а как полноценный синоним качественного исследования [Cheek, 2004], цель которого – обнаружить дискурсивные «фреймы» (синтаксические, семантические, ситуативные и пр.), определяющие наше видение мира и наши «тексты» о социальной реальности. Все индивидуальные тексты/нарративы (полученные с помощью интервью или иного метода от целенаправленным образом отобранных информантов с заданными социально-демографическими характеристиками и жизненными траекториями) – это разные «поверхностные структуры» одного детерминирующего их содержание дискурса, поэтому исследователи пытаются реконструировать лежащий в основе обыденных повествований дискурсивный «канон» (скажем, вербальную модель базового габитуса адаптации социальной группы).

Важно подчеркнуть, что если основной проблемой дискурс-анализа в «нисходящей» модели выступает концептуальное и «методическое» многоголосие и вынужденные

«прыжки» между макро- и микроуровнем наблюдений и аналитических обобщений, то в «восходящей» модели на первый план выходит другая проблема – терминологический разброс применительно к процедурно схожим методическим решениям и аналогичным концептуальным основаниям аналитической работы. Так, речь может идти не о дискурсивном анализе, а о применении для обобщающей интерпретации нарративов личного опыта метафоры сценария как обозначения социокультурно детерминированных индивидуальных поведенческих «программ», позволяющих людям оценивать и прогнозировать свои и чужие поступки с помощью свода «типических правил» и «событийных сюжетов», упорядочивающих биографические коллизии в стереотипные ситуации [Козлова, 2004]. Объединяет все разнообразно называемые вариации «нисходящей» версии дискурс-анализа то, что они ориентированы на типизацию конструкций повествований (неважно – через понятие дискурса, метанарратива, сценария или публичного мифа), на обнаружение в них стандартных сюжетов, с помощью которых социальные акторы стремятся убедить окружающих (и самих себя) в правильности самоидентификационного монтажа и обоснованности (рациональности) жизненных выборов [Омельченко, 2004].

Независимо от того, как именно предпочитает работать аналитик – иллюстрируя свои выводы цитатами из транскриптов интервью, разбивая прямую речь информантов на блоки в соответствии с «предложенными» ими (или аналитиком) тематизациями и т.д. [Мещеркина, 2004], в рамках «восходящей» модели дискурс-анализа решается задача вычленения в совокупности текстов дискурсивного «рефрена», социокультурно заданной «рамочной» тематизации личных свидетельств (любая якобы собственная логика отбора событий и фактов, по П. Бурдье, на самом деле детерминирована устойчивыми дискурсами [2002]). Основным индикатором реконструируемого дискурса служит расхожая метафора («из грязи в князи», «местная Золушка/Кармен», «синий чулок», «разбитная бабенка», «воскресный папа» и т.д.). Приписывание столь сложной и важной функции метафоре может показаться странным неискусшному в качественных эмпирических проектах исследователю, поскольку классическое определение метафоры характеризует ее как «языковой феномен, который отличается туманностью и двусмысленностью» [Даннеберг, 2010, с. 190], потому что метафора призвана решать и познавательные (формирование новых и раскрытие существующих смыслов), и эмоционально-оценочные (достижение экспрессивного эффекта) функции [Уилрайт, 1990, с. 82-109], построена на несвязанных фрагментах жизненного опыта, но синтезирует знания человека в общую картину мира [Анкерсмит, 2003, с. 298]. Двойственность метафоры объясняется тем, что она «эквивалентна некоей индивидуальной точке зрения, с которой нас приглашают по-

смотреть на действительность» [Анкерсмит, 2003а, с. 16], но в то же время правила использования метафор в индивидуальных нарративах и межличностной коммуникации диктуются доминантными дискурсивными фреймами.

Безусловно, разведение двух стратегий в рамках дискурсивного анализа – «нисходящей» и «восходящей» – имеет условный характер в том смысле, что призвано структурировать поле дискурсивных исследований в социологии и «вблизи» нее и прояснить основания все еще достаточно маргинальной в нашей научной дисциплине области текстового анализа (работы с тестовыми/неформализованными данными). Эта условность очевидна и на методико-процедурном уровне аналитической работы, которая в обеих моделях обычно сводится к той или иной вариации контент-анализа с фокусировкой на лингвистических особенностях текстов; и в сходстве лежащих в основе обеих стратегий концептуальных положений и методологических принципов; и потому что в эмпирической работе мы крайне редко имеем дело с поиском устойчивых идеологических конструкций с общеизвестным семантическим наполнением – чаще всего нам приходится начинать работу с «восходящей» логики анализа, пытаюсь реконструировать дискурсивную доминанту тематически разрозненных повествований, а уже потом, после «обнаружения» дискурса, начинать работу заново, но по «нисходящей» модели, чтобы проверить гипотезу о порождении и структурировании интересующей нас совокупности тестов определенным типом дискурса (т.е. гипотезу о детерминации содержательных и оценочных акцентов текстов приверженностью их авторов искомому дискурсу), подбирая тому яркие свидетельства-иллюстрации. В итоге, «стремясь реконструировать сеть представлений, идей или концепций, мы напоминаем игроков в мозаику, которые хотят собрать сферическую картинку... Игрок составляет мозаику, соединяя воедино все кусочки, чтобы собрать цельную картинку, которая затем придает смысл каждому отдельному кусочку» [Бивир, 2010, с. 130-131].

Таким образом, в рамках дискурс-анализа мы пытаемся либо обнаружить в текстах «свидетельства» приверженности их авторов определенному дискурсу, либо реконструировать доминантный дискурс, лежащий в основе некоей совокупности «документов» (по сути порождающий их и стоящие за ними социальные практики). Если благодаря «восходящей» модели анализа некий дискурс будет идентифицирован, то далее эмпирические исследования могут реализовываться по «нисходящей» модели – поиска реконструированного ранее дискурса. Тип «текста» для дискурс-анализа не важен, и мы имеем полное право работать с любыми неформализованными данными – и вербальными, и визуальными, параллельно или последовательно реализуя обе стратегии дискурс-аналитического поиска даже в одном исследовательском цикле.

Библиографический список

- Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л.Б. Макеевой. М., 2003.
- Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаева. М., 2003а.
- Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М., 2000.
- Бёдекер Х.Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история менталитета. Сб. ст. под ред. Х.Э. Бёдекера / Пер. с нем. М., 2010.
- Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении // История понятий, история дискурса, история менталитета. Сб. ст. под ред. Х.Э. Бёдекера / Пер. с нем. М., 2010.
- ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Амадова. М., 2014.
- ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. / Пер. с англ. О.А. Гулыги, сост. В.В. Петрова, под ред. В.И. Герасимова. М., 1989.
- Даннеберг Л. Смысл и бессмысленность истории метафор // История понятий, история дискурса, история менталитета. Сб. ст. под ред. Х.Э. Бёдекера / Пер. с нем. М., 2010.
- Инишев И.Н. Чтение и дискурс: трансформация герменевтики. Вильнюс, 2007.
- Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1.
- Макаров М.Р. Основы теории дискурса. М., 2003.
- Мещеркина Е. «...Я была домашним, дворовым ребенком» // ИНТЕР. 2004. № 2-3.
- Омельченко Е. Размытое начало: гомодебют в контексте сексуального сценария // ИНТЕР. 2004. № 2-3.
- Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии (введение). М., 1999.
- Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. М., 1990.
- Фуко М. Археология знания. М., 1996.
- Фуко М. Порядок дискурса. М., 1996а.
- Цветаева Н.Н. Биографические нарративы советской эпохи // Социологический журнал. 2000. № 1/2.
- Цветаева Н.Н. Биографический дискурс советской эпохи // Социологический журнал. 1999. № 1/2.
- Cheek J. At the margins? Discourse analysis and qualitative research // Qualitative Health Research. 2004. Vol. 14. No 8.
- Dodds K. Political geography III: Critical geopolitics after 10 years // Progress in Human Geography. 2001. Vol. 25. No 3.
- Fairclough N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities // Discourse & Society. 1993. No 4.
- Hammersley M. Conversation analysis and discourse analysis: Methods or paradigms? // Discourse & Society. 2003. Vol. 14.
- Kuus M. Ubiquitous identities, elusive subjects: Puzzles from Central Europe // Transactions of the Institute of British Geographers. 2007. Vol. 32. No 1.
- Milliken J. The study of discourse in international relations: A critique of research and methods // European Journal of International Relations. 1999. Vol. 5. No 2.
- Neumann I.B. Russia as a great power, 1815-2007 // Journal of International Relations and Development. 2008. Vol. 11. No 2.
- Reed M. The limits of discourse analysis in organizational analysis // Organization. 2000. Vol. 7.
- Scott J.C. Decoding Subaltern Politics: Ideology, Disguise, and Resistance in Agrarian Politics. Routledge, 2013.
- Scott J.C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. Yale University Press, 2009.